

Лев Николаевич Гумилёв

Место исторической географии в востоковедных исследованиях

<http://gumilevica.kulichki.net/>

Лев Гумилев

МЕСТО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В ВОСТОКОВЕДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Опубликовано «Народы Азии и Африки», 1970, N 1, стр. 85-94.

О значении географических условий, например рельефа для военной истории, говорилось давно. Еще в XVIII в. один из первых русских историков Иван Никитич Болтин сделал замечание: «У историка, не имеющего в руках географии, встречается претыкание» [i]. Однако ныне история ставит куда более глубокие задачи, и география отошла от простого описания диковинок нашей планеты и обрела возможности, которые нашим предкам были недоступны.

В наше время вопрос стоит иначе, чем в XVIII-XIX вв.: не только «Как влияет географическая среда на людей?», но и «В какой степени сами люди являются составной частью той оболочки Земли, которая сейчас именуется биосферой?» [ii].

Диалектический материализм различает несколько взаимосвязанных форм движения материи, как то: физическую, химическую, биологическую и общественную [iii] [1]. История человечества, как чуткий прибор, фиксирует эти формы движения и позволяет разобраться в характере их взаимодействия.

Смена общественно-экономических формаций идет то более, то менее быстро, но последовательно. Однако она не охватывает тех воздействий на человечество, которые связаны с проявлениями физико-химических и биологических процессов. Человечество с момента своего становления было тесно связано с окружающей природой, черпая из нее средства существования. Приспосабливаясь к различным ландшафтам: тропическому лесу, сухой степи, тундре и т. д., люди вырабатывали систему навыков и обычаев, что повлекло разделение человечества как вида на разнообразные коллективы, которые называются этносами. Этническое размежевание человечества продолжается и поныне, очевидно являясь формой существования вида *Homo sapiens*. Оно называется этногенезом и является феноменом, пограничным между общественной и прочими природными формами движения материи.

В самом деле люди (и каждый человек в отдельности) являются не только членами общества, но и твердыми телами, т. е. подвержены закону тяготения; организмами, со всеми биологическими функциями; млекопитающими хищниками, входящими в биоценоз населяемого ими ландшафта: наконец, членами этноса (племени, нации, народности и т. п.). Как таковые они подвержены воздействиям то силы земного притяжения, то разных инфекций, то голода или изобилия из-за изменения вмещающего ландшафта и, наконец, процессов этногенеза, которые не всегда совпадают с общественными процессами, а идут своими ритмами.

В аспекте исторической географии этносами называются коллективы людей, противопоставляющих себя всем остальным, например: китайцы и варвары, арабы-мусульмане времен первых халифов и «неверные», и т.д. Зарождаясь в условиях какого-либо ландшафта, этносы распространяются иногда по всей земле, но это связано с их исторической судьбой, определяемой не только ритмами этногенеза, но и в не меньшей степени глобальным общественным развитием человечества. Таким образом, проблема этногенеза лежит на рубеже наук естественных и гуманитарных (подробно см.: [iv] [v]).

Непосредственно на человеческий организм и на любой человеческий коллектив влияет не просто Земля, а определенный ландшафт. С другой стороны, люди за историческую эпоху видоизменили почти всю поверхность суши, но египтяне, монголы, арауканы и шведы делали это настолько по-разному, что конструктивнее рассматривать влияние этносов на природу, нежели человечества в целом. Поэтому можно рассматривать природу как многообразие ландшафтов, человечество – как мозаику этносов, а их взаимодействие и его результаты – как этногеографию и палеогеографию исторического периода. Для нашей проблемы в очерченном круге вопросов важны две темы, которые мы разберем поочередно: 1) постоянное воздействие ландшафта на этнос и 2) варианты воздействия этноса на ландшафт.

На важность затронутой нами темы указал Н. И. Конрад в книге «Запад и Восток» (М., 1968), отметивший наличие исторических процессов, свойственных любым разновидностям человечества. Если прежде задачей востоковедения было выявление локальных форм внеевропейских культур, то теперь мы вправе ставить вопрос об интерпретации глобальных закономерностей и освоении способов (методики) их исследования. Достичь этой цели можно несколькими способами, в том числе путем применения исторической географии к востоковедным дисциплинам.

Отметим отличие нашего подхода от «географического детерминизма», истолковывающего все явления истории культуры, этнического характера и даже хода политических событий как воздействие географической среды на общество.

Л. С. Берг сформулировал соотношение вида и его географического окружения так: «Географический ландшафт воздействует на организмы принудительно, заставляя все особи варьироваться в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т.д. – все это накладывает особый отпечаток на организмы. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или – вымереть» [vi]. Это положение равным образом относится к этносам, которые непосредственно и тесно связаны с природой через свою хозяйственную деятельность. Этнос приспособляется к определенному ландшафту в момент своего сложения, а приспособившись, при переселении и расселении, ищет себе область, соответствующую его привычкам. Так, угры расселились по лесам; тюрки и монголы – по степям; русские, осваивая Сибирь, заселяли лесостепную полосу и берега рек: англичане колонизировали земли с умеренным климатом, а арабы и испанцы – с жарким. Исключения из правила встречаются, но только в пределах законного допуска. Характер культуры складывающейся народности определяется вмещающим ландшафтом через его экономические возможности.

Большинство племен и народностей древности и средневековья приспособлялись к ландшафту, не пытаясь его изменить. Таковы все охотники, рыболовы, скотоводы и собиратели, а также часть земледельческих племен, не применяющих искусственного орошения. Исключения составляют народы, практиковавшие интенсивное земледелие: египтяне, шумеры, древние иранцы и китайцы. Они приспособляли ландшафт к своим потребностям и подчас нарушали даже течение ветров. Так, развитие земледелия в Китае привело к уничтожению лесов в долине р. Хуанхэ, и к IV в. до н.э. сухие центральноазиатские ветры занесли лессом мелкие речки и гумусный слой в Шэньси. Леса на среднем течении Хуанхэ задерживали ветры, несшие песок из пустыни Хэси (западнее хребта Алашань). После уничтожения лесов человеком песок стал достигать областей Центрального Китая, Изобретение железной лопаты позволило в III в. до н.э. выкопать оросительные каналы из р. Цзинхэ, но река углубляла свое русло, и каналы высохли. Борьба за воду кончилась победой ветра – работы по поддержанию оросительной системы прекратились в XVIII в. [vii]. Зато кяризы в долине Тарима, построенные древними иранцами, дали жизнь многим оазисам. Созданный ландшафт влияет на этнос, так же как и естественный.

Исключение, впрочем весьма распространенное, составляют этносы, оторванные от

своего ландшафта. Они начинают жить не за счет природы, а за счет этносов-аборигенов, образуя в их среде колонии. Возможности к тому дает насилие (впрочем, на относительно недолгое время). Но поскольку наличие подобных этносов связано с их исторической судьбой, то нет необходимости останавливаться на анализе этого явления, не имеющего прямого отношения к ландшафту. Достаточно при практическом изучении вносить соответствующую поправку. Для нашей темы важнее установить, какими гранями смыкаются антропосфера и природная ее среда и как последняя взаимодействует с первой.

За последние десятилетия наука отказалась от представления о неизменности географических условий даже в сравнительно короткий период, освещенный письменными источниками, т. е. около 3 тыс. лет. Действительно, Средиземноморский бассейн имел за это время стабильный климат, но это частный случай, а не общее правило. Зато климатические условия в центре Евразийского континента менялись очень сильно. Достаточно отметить, что уровень Каспийского моря в VI в. стоял на абсолютной отметке – минус 34 м: в начале XIV в. – минус 19 м, а сейчас – около минус 28 м. Мощная трансгрессия XIII в., когда Каспий поднялся на 15м, весьма резко отозвалась на судьбах Хазарии, а следовательно, и пограничных с нею стран. Большая часть плодородной земли, кормившей хазарский народ, оказалась под водой. Также весьма отличны от современных исторические условия возникновения китайской цивилизации [viii].

Установление В.Н. Абросовым [ix] гетерохронности увлажнения лесной и степной зон Евразии позволило сопоставить климатические колебания с историческими судьбами кочевых народов и с колебаниями уровня Каспийского моря. Поскольку Каспий наполняется Волгой (81%), несущей воду из гумидной зоны, повышение его уровня совпадает с усыханием окружающих степей, и наоборот: наполнение Арала и Байкала реками аридной зоны означает усыхание среднерусской равнины. Однако для того, чтобы получить полную картину, необходимо учитывать не две, а три возможности прохождения циклонов, несущих влагу от азорского и исландского максимумов в Евразию: южный путь по аридной зоне, средний – по гумидной и северный – по арктической. Зависимость климатических условий от путей циклонов сведена нами в следующую таблицу.

Местоположение постоянного центра действия атмосферы 1. Северное 2. Среднее 3. Южное

В арктической зоне	Влажно	Засушливо	Засушливо
В таежной зоне	Засушливо	Влажно	Засушливо
В степной зоне	Засушливо	Засушливо	Влажно
Уровень Каспия	Низкий	Высокий	Низкий
Сток Амударьи и Селенги	Повышен	Понижен	Повышен

Применение данных, приведенных в таблице, позволило сделать несколько важных заключений. Способы хозяйства народов, обитавших на северных берегах Каспийского моря, а следовательно и их исторические судьбы, были тесно связаны со степенью увлажненности аридной зоны и тем самым с уровнем Каспия. А раз так, то очевидно, что исследование исторических судеб народов, населявших низовья Волги, позволяет судить о происходивших тут климатических и ландшафтных изменениях. В свою очередь применение шкалы политической истории в данном аспекте дает абсолютную хронологию для периодов повышенного увлажнения и длительных засух (подробно см.: [x] [xi]). Равным образом возможно применение предложенной методики при исследовании других районов.

Исторические материалы, как источник для восстановления древних климатических условий, применялись и применяются очень широко. В этом плане развивалась знаменитая полемика между Л.С. Бергом [xii] и Г.Е. Грумм-Гржимайло [xiii] по вопросу об усыхании Центральной Азии в исторический период. Связанную с этим вопросом проблему колебания уровня Каспийского моря в I тысячелетии н.э. также пытались решить путем подбора цитат из сочинений древних авторов [xiv] [xv] [xvi] [xvii], Аналогичные исследования проводились над русскими летописями для того, чтобы сделать заключение об изменении климата Восточной Европы [xviii] [xix].

Но итоги трудоемких исследований не оправдали ожиданий. Иногда сведения источников подтверждались, а иногда проверка другим путем их опровергала [[xx]] [[xxi]] [[xxii]]. Отсюда вытекает, что совпадение полученных данных с истиной было делом случая. Это говорит о несовершенстве методики. В самом деле, путь простых ссылок на свидетельство древнего или средневекового автора всегда приведет к ложному или, в лучшем случае, неточному выводу, Летописцы упоминали о явлениях природы либо между прочим, либо, исходя из представлений их времени, трактовали грозы, наводнения, засухи как предзнаменования или наказание за грехи. В обоих случаях явления природы описывались выборочно, когда они оказывались в поле зрения автора, а сколько их было опущено, мы даже догадаться не можем. Один автор обращал внимание на природу, а другой (в следующий век) – нет. Может оказаться, что в сухое время дожди упомянуты чаще, чем во влажное. Историческая критика тут помочь не в состоянии, ибо по отношению к пропускам событий, не связанных причинно-следственной зависимостью, она бессильна.

Л.С. Берг, на основании исторических сочинений, сделал вывод, что превращение культурных земель в пустыни является следствием войн [xxiii], Ныне эта концепция принимается без критики и в качестве примера чаще всего приводится находка П.К. Козлова – мертвый тангутский город Ицзин-ай, известный под названием Хара-хото [xxiv]. Этот момент является настолько показательным, что мы сосредоточим наше внимание на одной проблеме – географическом местоположении этого города и условиях его гибели.

Тангутское царство располагалось в Ордосе и Алашане, в тех местах, где ныне песчаные пустыни. Казалось бы, это государство должно быть бедным и малолюдным, а на самом деле оно содержало армию в 150 тыс. всадников, имело университет, академию, школы, судопроизводство и даже дефицитную торговлю, ибо оно больше ввозило, чем вывозило. Дефицит покрывался отчасти золотым песком из тибетских владений, а главное, продажей живого скота, который составлял богатство Тангутского царства. Город, обнаруженный П.К. Козловым, расположен в низовьях р. Эцзин-гол, в местности, ныне безводной. Две старицы, окружающие его с востока и запада, показывают, что река сместила русло к западу и ныне впадает двумя рукавами в озера; соленое Гашун-нор и пресное Сого-нор. П.К. Козлов описывает долину Сого-нора как прелестный оазис среди окружающей его пустыни, но вместе с тем отмечает, что большое население прокормиться тут не в состоянии.

Разрушение города часто приписывается монголам. Действительно, в 1226 г. Чингисхан взял тангутскую столицу, и монголы жестоко расправились с населением. Но город продолжал жить еще в XIV в., о чем свидетельствуют даты многочисленных документов, найденных здесь. Его гибель связывают с изменением течения реки, которая, по народным преданиям торгоутов, была отведена осаждающими посредством плотины из мешков с землей. Плотины эта сохранилась до сих пор в виде вала. Так оно, видимо, и было, но монголы тут ни при чем. В описаниях взятия города Урахая (монг.) или Хэшуйчэна (кит.) нет таких сведений. Да это было просто невозможно, так как у монгольской конницы не было на вооружении необходимого шанцевого инструмента. На самом деле тангутский город погиб в 1372 г. Он был взят китайскими войсками Минской династии и разорен как опорная точка монголов, угрожавших Китаю с запада [xxv].

Но почему же тогда он не воскрес? Изменение течения реки не причина, так как город мог бы переключиться на другой проток Эцзин-гола. Со свойственной ему наблюдательностью П.К. Козлов отмечает, что количество воды в р. Эцзин-гол сокращается, озеро Сого-нор мелеет и зарастает камышом. Некоторую роль здесь играет перемещение русла реки на запад, но это одно не может объяснить, почему страна в XIII в. кормила огромное население, а к концу XIX в. превратилась в песчаную пустыню.

Самым важным моментом представляется не частный вопрос о смещении течения р. Эцзин-гол к западу, а постановка вопроса об использовании археологических находок для восстановления физико-географических условий прошлых эпох. Ибо это путь для выяснения тех закономерностей природы, которые иным образом не могут быть установлены.

Итак, вина за запустение культурных земель Азии лежит не на перемещении реки в другое русло и не на монголах, а на вековом изменении климата, явлении, описанном нами в специальной работе [[xxvi]] [[xxvii]]. Это не значит, конечно, что монголам была свойственна гуманность, но в XIII в. они не выделялись из общего уровня. Чжурчжэни, хорезмийцы, кыпчаки-половцы и крестоносцы по свирепости не уступали монголам. Но почему же именно монголам приписывалось опустошение Азии, в то время как другие события гораздо большего масштаба, например разгром уйгуров кыргызами в 841-846 гг. или поголовное истребление калмыков маньчжурским императором Цяньлуном в 1756-1758 гг., остались вне поля зрения историков?

Ответ на этот вопрос нужно искать не в истории народов, а в особенностях развития историографии. Талантливые книги по истории пишутся не часто, не по всякому поводу, и, кроме того, они не все дошли до нас. Эпоха XIV-XV вв. была на Ближнем Востоке расцветом литературы, а в России – летописания. Борьба с монгольским игом и в Персии, и в России являлась самой актуальной проблемой. Поэтому ей посвящено множество сочинений, которые уцелели до нашего времени. Среди них были и талантливые, и яркие труды. Они вызывали подражания и повторения, что увеличивало общее количество работ по данному вопросу. Истребление же ойратов не нашло себе историка, или он погиб в резне. Таким образом, оказалось, что события освещены неравномерно и значение их искажено, поскольку они представлены как бы в разных масштабах. Следует отметить, что наибольшему усыханию подверглись не разрушенные войной страны, а Уйгурия, где войны вообще не было, и Джунгария, где уничтожать травянистые степи никто не собирался. Итак, не только история без географии «встречает» постоянные «протыкания», но и физическая география без истории выглядит крайне однобоко. Но значит ли это, что пользоваться историческими данными для того раздела палеогеографии, который именуется исторической географией, нельзя? Нив коем случае!

Прежде всего за основу следует брать не публикации источников, а канву событий, отслоенных и очищенных от первичного изложения. Только тогда ясна соразмерность фактов, когда они сведены в причинно-следственный ряд в одном масштабе. При этом также исключается тенденциозность источника или его малая осведомленность. То, что для историка – завершение его работы, для географа – отправная точка. Затем нужно исключить те события, причины которых известны и относятся к сфере либо спонтанного развития общества (социально-экономические формации), либо к логике самих событий (личные поступки исторических личностей). Связывать эти явления с географией бесплодно.

Остается сфера этногенеза и миграций. Тут наиболее четко проявляется взаимодействие человеческого общества с природой. Особенно оно очевидно на ранних этапах развития, когда главную роль играет натуральное и простое товарное хозяйство. Род занятий подсказывается ландшафтом, его экономическими возможностями. Так постепенно определяется образ жизни этнической целостности. Когда данный этнос исчезает, вследствие трансформации, миграции или истребления соседями, то его следом остается археологическая культура, свидетельствующая о характере хозяйства древнего народа, а следовательно, и о природных условиях эпохи.

Во-первых, очевидно, что точные абсолютные датировки могут быть внесены в географию только путем привлечения исторических сведений и археологических находок. Никакими другими способами этого достичь невозможно.

Во-вторых, раскрытие исторических и физико-географических законов, производимое не раздельно, а в их взаимосвязи, позволяет установить степень влияния на эти события географической среды. Применяя метод сочетания исторических исследований с пространственным анализом природных условий в масштабах целого материка, мы в состоянии рассмотреть развитие народов Евразии без отрыва от их естественной природной обстановки. Тем самым мы оказываемся в состоянии расчленить исторические события политического характера и события, обусловленные преимущественно изменениями физико-географических условий.

Применение предложенного метода на еще более широком историческом материале показывает роль географической среды для человечества в целом, а не только для отдельных территорий. Вид *Homo sapiens*, распространившись по всей суше и значительной части морской поверхности планеты, внес в ее конфигурацию столь значительные изменения, что их можно приравнять, как заметил В.И. Вернадский, к геологическим переворотам малого масштаба. Но из этого вытекает, что нами выделяется особая категория закономерностей – историко-географическая, требующая для рассмотрения и изучения особой методики, совмещающей исторические и географические приемы исследования. Это само по себе не ново, Например, применение анализа по C^{14} для датировок археологических памятников, электроразведка (дело слишком трудоемкое для практического применения), приемы кибернетики при изучении «каменных баб» (которое подтвердило результаты, полученные при визуальном подсчете), и т.п. Однако самое важное – возможность синтеза – упускалось из виду.

Естественники применяют «эмпирическое обобщение», согласно В.И. Вернадскому, имеющее достоверность, равную наблюдаемому факту [xxviii]. Привлекая природу как источник, мы обязаны использовать и принятую в естествознании методику изучения [xxix], а это дает нам великолепные перспективы, которые позволяют приподнять покрывало Изиды.

Наиболее целесообразным путем нам представляется дедукция, основанная на кодификации элементарных сведений и расположении их, согласно поставленной задаче, в условном масштабе, на пространственно-временной основе, Это нуждается в пояснении.

1. Элементарными сведениями можно назвать первичные единицы информации, прежде всего те, которые наполняют собой учебники истории и географии.

2. Расположение элементарных сведений (т. е. композиция работы). Нужно произвести отбор, а пустые места заполнить, как принято в географии, интерполяциями, под которыми понимаются не вставки в текст, а построение изолиний (так строятся изотермы и т.п.). Правда, в географии дело проще – соединяются линиями точки с одинаковыми показателями. В истории таких точек нет, зато сеть каузальная связь событий, разрывы в которой можно восполнить таким способом, с известным допуском.

3. Условный масштаб или заданная степень приближения – трудность, в естественных науках преодоленная.

Наметим условно пять степеней приближения.

Первое приближение – антропосфера как целое, развивающееся спонтанно, по спирали, нижний конец которой теряется среди гоминид, освоивших огонь и технику каменных орудий, а верхний – уходит в будущее. На протяжении видимой части спирали просматриваются три явления: демографический взрыв, технический прогресс и смена социально-экономических формаций. Эти три линии закономерности связаны между собой сложной обратной связью, а не простым взаимодействием. К примеру, максимальный прирост населения происходит, как правило, в странах с низким уровнем жизни, т.е. является особенностью биологического приспособления к среде. Технический прогресс в саморазвитии становится фактором ландшафтообразования. При этом исчезают целые виды животных и растений, изменяется рельеф и даже состав атмосферы [xxx] В этом приближении история смыкается с такими науками, как биология, биогеография, антропология, четвертичная геология. События политической истории и этногенеза слишком мелки и требуют для рассмотрения другого масштаба.

Второе приближение – этносфера. Мы рассматриваем один виток спирали длиной около 5 тыс. лет. На месте монотонной антропосферы – мозаика этносов, группирующихся кучно в суперэтнические скопления, которые принято называть «культуры». Линия развития оказывается прерывистой, как бы веревкой, сплетенной из разноцветных ниток. Концы пучков заходят друг за друга, а некоторые ниточки тянутся чуть ли не на всю длину отрезка, Это исторические культурно-этнические традиции, сменяющие друг друга, то и дело сосуществуя на поверхности планеты Земля. Заря Эллады совпадала с закатом Египта, ее

расцвет – с мощным взрывом этногенеза на плоскогорьях Ирана, ее старость – с эллинизацией всего Средиземноморья, ее конец – с подъемом двух новых культур, условно именуемых нами византийская и среднеперсидская. При агонии золотой Византии возносились знамена французских рыцарей и реяли бунчуки монгольских нойонов. При распаде древнего Китая сложились сразу два могучих народа – табгачи (кит. тоба) и тюрки. Даже физически погибнув, они оставили свое имя многим народам, очарованным мужеством и неукротимостью своих побежденных врагов. Здесь история смыкается с палеоэтнографией и этногенезом, этнопсихологией и физической географией, т.е. с совсем иным комплексом наук, нежели в первом приближении. Но в этом дискретном развитии мы видим лишь смены культур, а ритмы развития народов неразличимы.

Третье приближение – история одного народа (этнуса), для которого судьба его культуры – только фон. Тогда на переднем плане возникает картина социальной борьбы: в Элладе – аристократов с демократами; в Риме – нобилитета со всадничеством; в Монголии XIII в. – богатых родовичей с «людьми длинной воли» и т. д.

В этом приближении историку необходима уже не физическая, а экономическая география. Приведу один пример: во времена Цинцината Италия была разбита на парцеллы и тщательно обработана. Во времена Вергилия там были только пастбища да плантации пармских фиалок. Что случилось? А вот что: произошел микрокатаклизм в распределении ландшафтов. Возник город с полуторамиллионным населением, т.е. антропогенный ландшафт со стойким биоценозом. Жителей, владык мира, надо было кормить. Хлеб, вино, оливки и т.п. можно было привезти из провинций, но мясо без холодильников протухало, и надо было иметь его под рукой. Римские женщины любили цветы, тоже продукт скоропортящийся. Что ж, стали разводить фиалки, которые находили сбыт.

И второй пример, из числа общеизвестных, связанный на этот раз с медицинской географией – разновидностью биогеографии, В XIV в. по всей Европе прокатилась «черная смерть» – чума. Там, где население жило скученно, естественно, смертность была больше; там, где население было немногочисленно, даже при равном проценте потери, ослабление страны было ощутимее. Так, поволжские города – Сарай, Хаджи-Тархан и другие – пострадали от чумы сильнее, чем кочевья степняков, В результате ослабела власть золотоордынских Чингисидов, а увеличился удельный вес ногайских орд и наступила «Великая замятия». За власть боролись западные кочевники под руководством Мамая с восточными, предводительствуемыми Тохтамышем, а поволжские татары не имели сил для того, чтобы выдвинуть своего претендента. Константинополь пострадал настолько сильно, что территория Византийской империи оспаривалась турками у сербов и итальянцев, а не у греков. Чума не была, конечно, причиной гибели империи, но способствовала ей. Короче говоря, явление природы – инфекция – более или менее значительно отразилось на перипетиях политической истории затронутых ею стран, но не на характере социальных отношений. Феодальные порядки в Восточной Европе исчезли только с торжеством капитализма.

Четвертое приближение – уже не вся история культуры как целое, но лишь только отдельная эпоха. Социальные противоречия станут расплывчаты, а отчетливы и выпуклы характеры и судьбы отдельных людей. Тогда историк Арабского халифата будет говорить о необузданности Абу Бекра, железной воле Омара, легкомыслии Иездегерда, предусмотрительности Моавии, влюбчивости Али и расчетливости Амра. История будет казаться поприщем для соперничества великих людей. Фоном станет эпоха, которую рассматривали в предыдущем приближении как основную и конечную цель изучения. Здесь применимо географическое народоведение, ибо каждый человек принадлежит к своему этносу и руководствуется свойственными ему обычаями, что особенно ощутимо в зонах этнических контактов. Но это еще не предел.

Пятое приближение – в поле зрения оказывается один человек. Если этот человек – Пушкин, возникает пушкиноведение. Но здесь история смыкается с биографическим жанром и перестает быть сама собой, В качестве вспомогательных наук применимы психология и

генетика, но не география. Шкала исчерпана. Однако использование предлагаемой методики связано с некоторыми трудностями, отсутствующими при обычном историко-филологическом подходе. Прямое цитирование источника, пусть аутентичного, следует признать не заслуживающим полного доверия. Критическая обработка текста тоже дает лишь полуфабрикат. Только сводка достаточно большого числа фактов позволяет начать поиски логики событий, т.е. их внутренней связи. И наконец, обнаружение связей дает возможность проникнуть в глубину закономерностей. Эта многоступенчатость познания, несомненно, затрудняет ход исследования. Этим сложным путем мы можем ответить на вопросы: как и почему появляются и исчезают народы? Чем, кроме внешних признаков вроде языка и традиций, они различаются между собой? Где в человеке проходит граница между общественной и биологической формами движения материи? И каковы истинные взаимосвязи человеческих коллективов с природой? Но ответы на эти вопросы выходят за рамки данной статьи, представляющей лишь описание методики подхода к проблемам науки этнологии (подробно см.: [xxxi] [xxxii]).

Теперь можно подвести итог. История человечества проходит на фоне постоянно меняющейся географической среды. Спонтанное общественное развитие через историю и этногенез непрерывно взаимодействует с природным окружением. Географические науки предоставляют историку информацию о состоянии природной среды и направлении ее изменений. Эта информация, с одной стороны, дополняет наши знания об исторических процессах, а с другой – корректирует данные источников письменных в плане их достоверности и полноты. Как всякая другая группа источников, географическая информация освещает не всю проблему, но она действительна для всех эпох и территорий, населенных людьми. Для исторического синтеза необходимо сочетание всех имеющихся источников, как-то: письменных, нарративных, актов, эпиграфических, а также археологических и этнографических. Степень их использования зависит от предложенной нами шкалы приближений. Последняя позволяет уподобить способ исследования судеб народов приемам, принятым в естественных науках о Земле, не имеющих пока возможности выразить наблюдаемые явления в числовых значениях (что, впрочем, не всегда нужно).

Комментарии